

BIBLIOTECA
DE
MUSEO
N. 1

J. M. de la Cruz

Игнатий Николаевич Потапенко

Пара сапог (Записки старого студента #02)

Игнатий Николаевич Потапенко — незаслуженно забытый русский писатель, человек необычной судьбы. Он послужил прототипом Тригорина в чеховской «Чайке». Однако в отличие от своего драматургического двойника Потапенко действительно обладал литературным талантом. Наиболее яркие его произведения посвящены жизни приходского духовенства, — жизни, знакомой писателю не понаслышке. Его герои — незаметные отцы-подвижники, с сердцами, пламенно горящими любовью к Богу, и задавленные

нуждой сельские батюшки на отдаленных приходах, лукавые карьеристы и уморительные простаки... Повести и рассказы И.Н.Потапенко трогают читателя своей искренней, доверительной интонацией. Они полны то искрометного юмора, то глубокого сострадания, а то и горькой иронии.

Произведения Игнатия Потапенко (1856–1929), русского прозаика и драматурга, одного из самых популярных писателей 1890-х годов, печатались почти во всех ежемесячных и еженедельных журналах своего времени и всегда отличались яркой талантливостью исполнения. А мягкость тона писателя, изысканность и увлекательность сюжетов его книг очень быстро сделали Игнатия Потапенко любимцем читателей.

**Игнатий Николаевич
Потапенко
Пара сапог**

Это было в 186* г. В небольшом двухэтажном домике, с виду похожем на благоустроенный сарай, некогда выкрашенном в коричневый цвет, вследствие долголетнего невозобновления превратившемся в бурый, на улице Ленивке, Анна Карловна Фунт держала меблированные комнаты. Несомненно, что во время оно, устраивая это предприятие, Анна Карловна имела в виду извлечь из него выгоду, но если принять во внимание, что из её шести жильцов был только один действительно платящий, т. е. платящий как следует, каждое первое число, именно коллежский регистратор Свигульский, остальные же все были у неё в долгу, то можно усомниться в том, что Анна Карловна достигала своей цели.

Странная женщина. Жизнь её проходила в том, что она вечно ворчала на неплатящих и вечно грозила выселением, упоминая при этом околоточного, городского и других участковых властей, и при этом никогда никого не выселила. Очевидно, у Анны Карловны было доброе сердце, которое и тиранило её.

Событие, о котором пойдёт речь, случи-

лось в конце мая, когда над московскими улицами носилась пыль, воздух был заражён всякого рода скверными испарениями, стояла духота и, вообще, жилось отвратительно.

Комната, которую занимали вдвоём Пиратов и Камзолин, была по размерам совершенно достаточна для того, чтобы в ней могли поместиться узенькая кровать и короткий диван, на которых спали жильцы. Диван был, как мы сказали, короток и отличался тем свойством, что как раз посредине его, из-за разодранной обивки выглядывало остриё сломанной пружины. Кроме того, поверхность его была необыкновенно волнистая, что, в общей сложности, служило достаточной причиной для кошмаров. По сравнению с ним кровать представлялась роскошью. Матрац на ней был очень твёрд, но из него не выглядывали пружины, так как их вовсе в нём не было. Она была достаточно длинна для того, чтобы длинный Камзолин мог вытянуться на ней во весь рост, и достаточно широка для того, чтобы плотно сложенный Пиратов мог разместить на ней своё богатое тело. И так как основным принципом их сожителства

была справедливость, то они спали на кровати по очереди.

В комнате был ещё стол, один на двоих стул и что-то похожее на этажерку, до такой степени заваленное книгами и исписанной бумагой, что, казалось, вся эта куча лежала просто на полу, Главным украшением комнаты были многочисленные окурки, валявшиеся по углам, а также висевшая на гвозде пара серых, в достаточной степени потёртых, брюк, относительно которых оба жильца не могли определить, кому они собственно принадлежат, так как употреблялись они обоими в парадных случаях. Быть может, покажется несколько странным, что одни и те же брюки могли устраивать судьбу высокого, тонкого и длинновязого Камзолина и широкоплечего, толстого и короткого Пиратова, но человеческий ум превозмогает ещё и не такие затруднения. Брюки были сшиты не на Камзолина и не на Пиратова, а на какое-то неизвестное существо, представлявшее по отношению к ним обоим среднюю величину, поэтому они были несколько коротки на Камзолине и несколько длинны на Пиратове, — маленькие

неудобства, с которыми легко примириться, даже не будучи философом.

Конечно, в жизни товарищей были разные моменты. Случалось, что в одно и то же время у каждого оказывалось по совершенно новому пиджаку; одно время в комнате фигурировал великолепный чёрный сюртук, из хорошего сукна. Но все эти вещи были случайны и очень скоро сплавлялись в кассу ссуд или просто на толкучку. Висевшие же на стене брюки были постоянным украшением комнаты. Они были совершенно необходимы, это было признано раз навсегда, и поэтому судьба их была обеспечена.

Камзолин проснулся на диване, Пиратов — на кровати. Разбудил их звон колокола, раздавшийся на соседней колокольне. Так как ни у одного из них не было часов, то этот колокол каждый день заменял им и часы и будильник. Они ему верили безусловно, и он никогда их не обманывал, своим первым ударом показывая восемь часов.

— Надо вставать, — промолвил Камзолин, вытягивая свои длинные ноги таким образом, что они выходили далеко за пределы дивана

и болтались в воздухе.

— Чёрт возьми, да, кому-нибудь одному надо вставать, — отозвался Пиратов. — Что касается меня, то я нисколько не расположен к этому...

— Я ещё менее, потому что эта проклятая пружина всю ночь вонзалась не только в моё тело, но, кажется, и в душу...

— Тем больше у тебя оснований стремиться к тому, чтоб расстаться с диваном...

— О, да, но лишь в том случае, если его можно переменить на кровать...

— Гм... я вижу, что ты не лишён вкуса... Но кровать и мне нравится...

— Увы! Я не могу сказать того же про диван...

— Но как же с экзаменом-то?

— Будем держать его.

— А сапоги?

— Сапоги? Гм... Это вопрос...

Прежде, чем вставать, надо было решить вопрос, кто наденет единственную пару сапог, которая была в их распоряжении. Эта пара сапог стояла тут же. Это была пара скверных сапог, со стоптанными каблуками, с за-

платами на носках, с растянутыми резинками и вообще — пара сапог, которая имела все шансы остаться нетронутой, если бы её положить где-нибудь на улице. Но у неё было одно несомненное достоинство, именно то, что она всё же была пара сапог, и про человека, идущего в ней по улице, никто не имел бы права сказать, что он идёт без сапог.

Каким образом произошло такое странное обстоятельство, что в квартире, занимаемой двумя взрослыми людьми, была одна только пара сапог, об этом, к сожалению, слишком долго пришлось бы говорить, но несомненно, что на это были весьма основательные причины. Можно, впрочем, прибавить, что бывали времена, когда у Пиратова и Камзолина, у каждого, были сапоги, иногда даже совершенно новые.

— Ты в какой группе? — спросил Пиратов, сладко потягиваясь на кровати.

— Я в третьей, — ответил Камзолин, у которого не было никаких оснований потягиваться сладко, да не было и возможности, так как его длинные ноги выходили далеко за пределы дивана.

— Итак, дело ясно, — заметил Пиратов. — Сперва пойду я, а потом ты.

— Ой-ой-ой! Но ведь ты надуешь!

— Ну как же можно надуть в таком серьёзном деле! — промолвил Пиратов и обиделся.

Впрочем, обиделся он всего на две секунды и затем с добродушным видом начал вставать.

Едва только он освободил постель и его коренастая, тяжёлая фигура появилась на полукомнаты, как Камзолин моментально схватился с дивана и перескочил на кровать.

— Ну, а я поблаженствую! — промолвил он и вдруг вытянулся с такой энергией, как будто сразу хотел удлиниться вдвое, в чём, впрочем, у него не ощущалось никакой надобности.

Колокол, между тем, звонил не уставая, и каждый новый удар его напоминал о том, что минуты уходят. Приходилось дорожить временем: Камзолину, чтоб насладиться сном в кровати, а Пиратову, чтоб выдержать экзамен.

Пиратов начал одеваться. Он одевался быстро, потому что костюм его был очень

несложен и прост, но на секунду он остановился, посмотрел на величественно висевшие на стене парадные брюки и подумал о том, представляется ли нынешний экзамен достаточно парадным случаем для того, чтобы надеть их. По-видимому, он решил в отрицательном смысле, потому что вот уж он совсем одет, а брюки продолжали украшать стену.

Захватив кое-какие тетрадки, Пиратов пожелал своему другу приятного сна и ушёл, а Камзолин завернулся в одеяло и заснул, причём уже не видел тех страшных снов, какие, в силу устройства дивана, обязательно снились ему через ночь.

Однако ж, принимая во внимание то обстоятельство, какой огромный соблазн для Камзолина представляла возможность поспать на кровати, после мучительной ночи на диване, Пиратов, выходя из квартиры, напомним Анне Карловне Фунт, что Камзолина надо непременно разбудить через час. Это было несколько странно. Пиратов очень хорошо знал, что Камзолину незачем подыматься с постели до тех пор, пока он не вернётся и не принесёт с собою сапог. Тем не менее, он это

сделал. Быть может, он сам недостаточно верил в своё обещание своевременно вернуться и рассчитывал в данном случае на необыкновенную изобретательность, какую всегда проявлял Камзолин. Одним словом, сделал он это на всякий случай, руководствуясь тем соображением, что лучше выдержать экзамен без сапог, чем вовсе не выдержать его.

И вот прошёл час. Анна Карловна, отличавшаяся всегда аккуратностью, уже хотя по одному тому, что она была немка, разбудила Камзолина. Камзолин схватился с постели, спросил — который час, и узнал, что уже около одиннадцати. В полной уверенности, что с минуты на минуту придёт Пиратов, он оделся во всё, что у него было, причём парадные брюки опять остались висеть на стене, и ходил по комнате чрезвычайно мягкими шагами, потому что ноги его были обуты только в носки, довольно сомнительного качества. Он уже выпил чай, который ему принесла Анна Карловна, посидел у стола, перелистывая толстый учебник и повторяя некоторые пункты для экзамена; по его соображениям уже было около двенадцати, а Пиратов не являлся. Кам-

золин начал страдать. Если бы это было несколько дней тому назад, то можно было бы отложить экзамен, но сегодня последний день для этого предмета, завтра профессор уезжает, и не пойти на экзамен, значит испортить себе всё лето.

Но Пиратов не являлся, и Камзолин начал понимать, что он жестоко обманут. Он, разумеется, не приписывал Пиратову никаких злостных намерений, он представлял себе дело совершенно просто. Если Пиратов благополучно выдержал экзамен, то совершенно естественно ему с радости отправиться с товарищами в скверный ресторан «Шанхай» и за стаканом пива совершенно забыть о своём друге. Это в особенности правдоподобно для человека, который не очень-то привык с одного разу выдерживать экзамен. Пиратов был слишком тяжёл для этого, и у профессоров сделалось обычаем приглашать его по крайней мере, по три раза для проверки его знаний. Если же Пиратов срезался (что весьма вероятно), то так же естественно ему с другими товарищами отправиться в тот же «Шанхай» и выпить с горя. И в том, и в дру-

гом случае у него достаточно причин не думать о судьбе Камзолина.

Размышляя таким образом, Камзолин всё больше и больше приходил к заключению, что это так, да иначе и быть не может, и ум его усиленно занялся теперь изобретением способа всё-таки пойти на экзамен. Но каким образом это сделать? Ему могло бы придти в голову поговорить об этом с Анной Карловной. Случалось, 'что у неё находилась какая-нибудь старая пара сапог; могло быть также и то, что кто-нибудь из квартирантов оставался дома. Но дело в том, что все квартиранты были очень исправные чиновники, и едва ли на это можно рассчитывать. Из всего населения меблированных комнат, только у одного коллежского регистратора Свигульского можно было предполагать присутствие двух пар сапог, но коллежский регистратор, во-первых, очень презрительно смотрел на всех остальных квартирантов, а на двух студентов в особенности, и, во-вторых, был человек необыкновенно аккуратный, всегда запирали комнату и уносил с собой ключ.

Тем не менее, Камзолин всё-таки пригла-

сил Анну Карловну и поведал ей о своём горе. На толстом, но несколько обрюзглом лице бесконечно доброй немки тотчас же явно выразилось искреннейшее желание достать Камзолину пару сапог, но тут же, на этом же лице, можно было прочесть и полную безнадежность. Все чиновники ушли в свои канцелярии. Свигульский, по обыкновению, запер комнату.

— Разве вот мои возьмёте, господин Камзолин, — промолвила Анна Карловна, и при этом приподняла юбку и показала ему свои туфли, очень похожие на калоши.

Камзолин скрестил на груди руки и, осмотрев туфли, увидел полную невозможность воспользоваться этим странным произведением искусства. Во-первых, они были слишком велики, — Анна Карловна страдала отёком ног; затем форма их была такая странная, что, появившись в них, он обратил бы на себя внимание всего университета. Одним словом, это было невозможно, а, между тем, часы с будильником, висевшие в маленькой каморке, в которой жила Анна Карловна, показывали без четверти час, и с каждой минутой Кам-

золин рисковал опоздать на экзамен.

Камзолиным овладела досада. Вообще это был человек добродушный до последней степени, — но когда он представил себе, что ему придётся отложить экзамен на осень, то его взяла злость на товарища.

«Это уже слишком. — мысленно говорил он. — Можно быть небрежным, но не до такой степени. Я никогда не позволил бы себе поступить таким образом».

Сперва он ходил по комнате, потом это ему надоело, он бросился на диван, но сломанная пружина тотчас же напомнила ему о себе; он перешёл на кровать, лёг на спину и с бессильным негодованием стал смотреть в потолок.

В передней раздался хриплый звонок и произошло движение.

— А, — громко воскликнул Камзолин, — наконец-то!

И в полной уверенности, что это запоздавший Пиратов, он соскочил с кровати, растворил дверь и высунул голову в коридор.

— Это называется свинство! — выразительно крикнул он фигуре, которая появилась в полутёмном коридоре.

— А? — промолвила из темноты фигура солидным басовым голосом, какого никогда не бывало у Пиратова, — покорно благодарю!

Камзолин с недоумением остановился и, растворив дверь, начал рассматривать вошедшего, который, таща в руках довольно увесистый узел, направлялся прямо к нему в комнату.

— Да это что же? — воскликнул Камзолин. — Фу ты, да это вы, Назарьев?

— Ну, конечно, я. Я не понимаю, за что вы меня обругали?

— Это недоразумение, извините. Я вообразил, что это вернулся Пиратов. Вы что же, прямо из деревни?

— Да, как видите. Я проездом. Еду в Тверь; поезда не сходятся, приходится сидеть в Москве часов восемь, вот я и завернул к вам.

И гость, втащивши свой узел в комнату, снял пальто, сел на диван и, видимо, начал отдыхать.

Назарьев был товарищ Пиратова и Камзолина по гимназии. Но в университет он не пошёл, а стал заниматься своим маленьким хозяйством в деревне. Между товарищами ни-

когда не было особенной близости, но они навсегда остались в хороших отношениях. Имение Назарьева было ничтожно, а семья, состоявшая из сестёр и многочисленных более или менее отдалённых родственников, была велика. Вот он и бился, обрабатывал землю и, вместе с тем, вёл ещё какую-то небольшую торговлю. Когда он приезжал в Москву, то не забывал товарищей и заходил к ним на часок.

С виду это был человек очень здоровый и крепкий. Его смуглое лицо, густо обросшее тёмными волосами, производило впечатление какой-то суровости, но когда он начинал говорить, то сейчас становилось ясным, что это выражение не соответствовало его намерениям; он оказывался мягким и добродушным.

Назарьев начал расспрашивать про Пиратова, про других товарищей, про дела вообще и про московские новости. Камзолин, во всякое другое время готовый принять его ласково и внимательно, теперь отвечал рассеянно, и Назарьеву показалось даже, что он что-то имеет против него.

— Послушайте, я, может быть, не вовремя,

так вы прямо так и скажите!

— Ах, нет, вовсе нет... тут совсем не то.

— А в чём же дело?

— Да это Пиратов всё. Вы же знаете, какая это свинья.

— Пиратов? Вот никак не ожидал. Мне казалось, что он человек порядочный.

— Да вы не подумайте чего-нибудь! — спохватился Камзолин, — он никакой подлости не сделал...

— Ну, признаюсь, ничего не понимаю...

— Да вы можете себе вообразить... представьте себе, у нас сегодня экзамен... и уж отложить никак нельзя... он пошёл держать, потому что он в первой группе... Пойдите, бабушка, вот мысль!..

Назарьев с изумлением смотрел на хозяина, который остановился перед ним и почему-то с радостным выражением в лице глядел на его ноги. Он делал это до такой степени выразительно, что гость невольно тоже наклонил голову и начал внимательно рассматривать собственные ноги.

— Что это такое вы там нашли? — спросил он.

— Нет, вы скажите: вы сколько ещё времени будете в Москве?

— Да ещё часа четыре осталось.

— Великолепно! Вы можете посидеть часа два без сапог?

— Не понимаю...

— Ну, вот, вы сейчас поймёте. Вы видите, что я без сапог. У нас только одна пара сапог, её взял Пиратов, по всей вероятности увлёкся и забыл обо мне. А меж тем сегодня надо быть на экзамене, хоть тресни. Ну, теперь поняли?

— Гм... значит, вы хотите надеть мои сапоги, так? Что ж, я ничего... Ну, а если вы тоже увлечётесь?

— Нет, что вы? Как же это можно? Ведь я же знаю, что вам надо ехать. Вы меня выручите, и вдруг я сделаю такую подлость! За кого же вы меня принимаете?

— В таком случае извольте, — промолвил Назарьев, — только их надо почистить, а то они в грязи. У нас в уезде дождь шёл...

— Ну, вот ещё! где там! каждая минута дорога. Так снимайте же.

Назарьев снял сапоги, а Камзолин с необыкновенной быстротой надел их.

— Тесноваты! — промолвил он. — Ну, да это ничего, как-нибудь приспособлюсь. Так вот что, — поспешно прибавил он, — вы тут оставайтесь, ложитесь спать, делайте, что вам угодно, а я часа через полтора вернусь.

Он почти на лету подал руку гостю, оставшемуся в носках и ещё не в достаточной степени освоившемуся с своим новым положением, и, выбежав из квартиры, стремглав побежал вниз по лестнице.

Когда он вошёл в университетский двор, то встретил двух-трёх товарищей, которые, как он знал, были в одной группе с Пиратовым.

— Пиратов здесь? — спросил он, запыхавшись от быстрой ходьбы.

— Пиратов? — ответили ему, — ну, его поминай как звали!

— А что?

— Он срезался.

— Ну?

— Да, и закатился в «Шанхай»...

— Скотина! Я так и думал! — промолвил себе под нос Камзолин и пошёл дальше.

Было несколько странно, что сапоги у него,

несмотря на совершенно сухую погоду, были в грязи, и притом они как-то слишком громко стучали, и он, благодаря тому, что узкие носки давили ему мозоли, ковылял в них. Но это всё было, разумеется, пустое. Он едва-едва захватил профессора, и достаточно было двух минут, чтоб положение его выяснилось. Это, должно быть, произошло оттого, что он не успел ещё перевести дух, и, кроме того, весь он был охвачен негодованием против Пиратова, позволившего себе поступить так вероломно. Он срезался...

Разумеется, из-за этого не стоило волноваться целое утро, снимать сапоги с приехавшего гостя и тем больше бранить Пиратова. Не стоило также бежать рысью по улице и беспокоить профессора, который уже собирался уйти. Но надо же было выяснить. И когда он совершенно явственно убедил не только профессора, но и себя самого, что он не готов к экзамену, то махнул рукой и уже обыкновенной, неспешной походкой пошёл на улицу. Но он повернул не в том направлении, где находились меблированные комнаты Анны Карловны Фунт, а совсем в другом. Нужно бы-

ло пойти сперва направо, затем завернуть в небольшой переулок налево, войти в грязный подъезд, подняться во второй этаж, чтобы очутиться в скверном ресторане «Шанхай».

Если бы явился вопрос о том, на что рассчитывал Камзолин, так смело отправляясь в трактир и не имея в кармане ни копейки, то пришлось бы сослаться на слишком исключительные обстоятельства, лишившие его возможности быть расчётливым и рассудительным. Человеку, срезавшемуся на экзамене и видящему в перспективе пренеприятную обязанность держать этот экзамен вторично осенью, было совершенно естественно направиться в трактир, и именно в «Шанхай», который был уже как бы предназначен для утешения скорбящих. Кроме того, у Камзолина был ещё такой блестящий пример, как пребывание в том же «Шанхае» Пиратова, у которого денег было столько же, сколько у него. Была и ещё одна мысль, которая могла объяснить его шаг: он имел полное основание злиться на Пиратова и желать безотлагательной встречи с ним, чтобы высказать ему горькую правду.

Когда он вошёл в большой, но несколько мрачный зал с низким потолком, с многочисленными чайными столиками, с хрипящим и свистящим органом, с долговязыми полами, носившими длинные белые рубашки, по видимому, с тою целью, чтобы на них легче было разглядеть бесчисленные сальные пятна, — когда он вошёл в этот зал и остановился на пороге, то, ещё ничего не видя перед собой, был сразу оглушён какими-то радостными криками, среди которых несколько голосов повторяли его фамилию. Тут он разглядел сидевшую за тремя соединёнными столами группу товарищей, которые все радостно приветствовали его и приглашали к себе. Удивительнее всего было то, что всех энергичнее и всех восторженнее приветствовал и звал его Пиратов, который, разумеется, был тут же. Всё это были срезавшиеся. Но они были так веселы, разговорчивы, добродушны и беззаботны, как будто все получили по пятёрке. На столах было несколько пустых бутылок, рюмок и стаканов и кое-какая, самая необходимая в таких случаях, закуска.

— Друг сердечный, Камзолушка! — произ-

нёс Пиратов, встав из-за стола и направляясь к Камзолину с раскрытыми объятиями. — Говори откровенно, срезался?

Камзолин, имевший самое серьёзное намерение отчитать Пиратова, высказать ему несколько горьких истин, — вместо этого торжественно облобызал его и сказал, обращаясь ко всем:

— Срезался!

— Вот и превосходно. Ну, так присаживайся!

Камзолин присел, но при этом искоса посмотрел на своего друга и сожителя.

— Однако, Пиратов, — сказал он, — какая же ты, выходит, свинья!

— Я? За что же это ты так? А? — с искренним удивлением спросил Пиратов.

— Как за что? А сапоги?

— Какие сапоги?

— Очень скверные сапоги, но всё же... всё же это сапоги, без которых я не мог пойти на экзамен.

— Сапоги! Ах, я негодяй! — и Пиратов изо всей силы ударил себя кулаком по лбу. — Камзолушка! Забыл, ей-Богу, забыл! Прости!

Ты великодушен, — прости! Можешь вообразить, — когда я срезался, как это меня огоршило! Понимаешь, все обстоятельства жизни в голове моей перепутались... А тут компания в «Шанхай» идёт, ну, и я пошёл за течением, а о сапогах-то и позабыл... Но как же ты пришёл?

— Назарьев приехал, вот я его и ограбил.

— Он, значит, у нас?

— У нас. Я его спать уложил... Обещал скоро вернуться. Он сегодня хочет ехать, надо сейчас идти домой.

Но тут поднялись уже общие протесты. Было решено не пускать Камзолина. Было высказано основательное соображение, что если человек спит, то, значит, он счастлив и блаженствует, и никто не имеет права лишать его этого блаженства. Камзолин, по здравом размышлении, согласился с этим и остался.

Срезавшиеся очень скоро соединились с выдержавшими благополучно экзамен, и горе, смешавшись с радостью, дало в общем самые весёлые результаты. Излишне прибавлять, что Пиратов и Камзолин вернулись домой на рассвете, и что Назарьев в это время

уже спал, благополучно заняв кровать и уступив товарищам на двоих диван с выгладывавшей из него острой пружиной. Его не будили. Пиратов разлёгся на диване, а Камзолин — на полу. Назарьеву было так удобно спать на кровати, и он так хорошо выспался, что на другой день он даже позабыл выбрать их.

1899